

4 3 ФЕВ 1975

Молодой коммунар
г. Воронеж

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ЖЕНЩИНЫ РИММЫ МАНУКОВСКОЙ

УДЕЛ АКТРИСЫ периферийного театра — играть много. Роли заслуженной артистки РСФСР Риммы Мануковской исчисляются десятками. В театральной жизни нашего города Римма Мануковская явление значительное и интересное.

СИМПТОМАТИЧНО, что Карел Чапек дал вкусить бессмертия именно актрисе. Бессмертие не фигурально — почетное (после физической смерти), а вполне реальное, где счет жизни идет на сотни лет. Фантастическое «средство Макропулоса» досталось именно Эмили Мартин, вечной знаменитости, вечному предмету поклонения.

Талант, бездарно распоряжающийся своим бессмертием, — трагическая подоснова образа Эмили Мартин. Героиня Мануковской с самого начала погружена в беспросветное одиночество. В неимоверно экстравагантном туалете, словно залетная райская птица появляется она в кабинете адвоката. Ее речи, произносимые в каком-то замедленном, равном

ритме, производят странное впечатление: они выдают постоянные усилия безмерно уставшей памяти. Срок действия волшебного средства кончается, и всю энергию Марти должна направить на получение заветного рецепта, покоящегося в архивах столетней давности. Формально она и направляет ее в это русло. Но подспудно в Марти, которую играет Мануковская, зреет решение более важное...

Вот наутро после триумфального спектакля она принимает поклонников. Никаких эмоций не вызывают у Эмили комплименты, всеобщее восхищение, цветы. Она откликается лишь на замечание о том, что от ее пения холодно. Ее пение совершенно, но мертво.

Вот, наконец-то, сформулирована, выражена словами мысль, которая долго бродила в глубинах ее подсознания. И с явным облегчением, почти с радостью, она замечает: «Ты почувствовал это? Что ж, может быть ты и прав!» Дальше она будет жить уже с сознанием своей пустоты и ничем-

ности, лишь по инерции будет бороться за возможность жить дальше и бесконечно, чтобы в конце — концов отказаться от нее и произнести чрезвычайные важные для себя слова: «Есть только то, что сейчас кому-то дорого...»

Она приходит к мысли о жизнеспособности искусства до тех пор, пока оно вызывает отклик в сердцах людей. «Актёрская» тема далеко не исчерпывает характера, который играет Римма Мануковская (натура ее Эмили сложна и противоречива), но она явственно ощутима в этом спектакле. Причем выявляя ее, актриса вовсе не нарушает тех условий, в которые поставлена героиня драматургом и режиссером. Просто Мануковская всегда тяготеет к некоей самостоятельности внутри спектакля. Ее драма или ее трагедия всегда немножко отъединены от общего, впрочем, ровно, настолько, чтобы не разрушить режиссерского замысла. Вот это качество и позволяет говорить о глубоко личном, художнически индивидуальном взгляде на ис-

кусство, на свое в нем существование.

В ДАВНО отыгранной «Обыкновенной истории» она играла жену Адуева-старшего. Во многом уязвимый и спорный спектакль обрел благодаря Мануковской несомненный интерес. В дуэт Адуевых исподволь вплеся ее негромкий, но настойчивый голос, и эта красивая, элегантная женщина стала нравственным камертоном печальной по своей сути истории. Такое прочтение роли было неожиданным. Но тем-то и дорога нам беспрепятственная изменчивость, неожиданность этой актрисы.

Ну мог ли кто предполагать, что Мануковская сыграет в бытовой комедии? Когда на сцене появилась героиня спектакля «Сослуживцы» Калугина, — узнать в ней Римму Мануковскую было невозможно. В прежних ролях актриса была разной. Она была доброй, злой, скромной, наглой, душевной, черствой. Она была разной, но всегда женственной. Женственность вообще в при-

воле художника сцену. Началась смешная и трогательная история о том, как женщина-начальник, женщина, чья природа искусственно подавлялась ею самой, обрела красоту, любовь и гармонию.

ТИП ДЕЛОВОЙ женщины, обуреваемой сложными противоречиями, противопоставляющей личное и общественное, достаточно распространено в советской драматургии. Да и в творчестве Мануковской это тип не новый — вспомним ее Марию из одноименной пьесы Салынского. Думается, что комедия Брагинского и Рязанова в какой-то мере реакция на этот чересчур распространявшийся тип. Авторы сознательно гиперболизируют «общественное» в характере Калугиной, приближая его к шаржу. Но гипербол не увлекла Мануковскую, и в своей героине она рассмотрела черты куда более интересные, чем предполагали драматурги.

О чем думает эта смешная на вид особа в каком-то абсолютно безличном костюме, оставшись одна в своем кабинете? О работе, о планах, о графиках, о трудовой дисциплине? Безусловно! Но приходит ей в голову грустная мысль и о том, что она лишена в жизни чего-то не менее важного, чем работа. За обычными служебными разговорами по схеме начальник — подчиненный, скрывается одиночество хорошей и

доброй души. Она умна и прозорлива, эта Калугина, и своим чисто женским чутьем угадывает скользкую подлость нового заместителя. Некоммуникабельность приобретена не в руководящем кресле, а следствии внутренней деликатности и большой доброты. Такой женщине нужен, вероятно, для личного счастья не мужчина-победитель, не антипод, а родственная душа, которую она и обретает в лице скромного сослуживца Новосельцева. И в том, что ее роман через все кочки и рывки сюжетных недоразумений приходит к счастливой развязке, есть своя закономерность. Но традиционный хеппи-энд не главное. Внутреннее преображение героини для нас куда важнее ее внешнего преображения из «синего чулка» в статную красавицу. Важен внутренний потенциал Калугиной, разомкнувшийся круг печального одиночества, нашедшей в себе мужество для этого шага.

ЖЕНЩИНЫ Мануковской умеют быть мужественными. Впечатление почти десятилетней давности — ее Нила Снижко из «Барабанщицы». И совсем свежее впечатление — жена Президента в публицистическом, напряженном спектакле «Хроника одного дня» о недавних трагических событиях в Чили. И если тогда, десять лет назад, в одной из лучших своих работ она

была открытой и раскованной до отчаянности, до какой-то звенящей героической ноты, то сегодня уже иные краски: спокойная мудрость правоты, зрелая убежденность, достоинство друга и сподвижницы. На лицо тяготение к выверенной жесткости внешнего рисунка роли, к скрытой интенсивности внутреннего мира.

Минувшие два сезона можно назвать сезонами контрастов в творчестве Мануковской. Она играет комедию, трагикомедию и публицистику. И везде форма ее сценического существования предельно естественна. Ныне это одна из индивидуальностей, которые определяют лицо театра имени Кольцова. Мануковская всегда умеет затеять со зрителем искренний и серьезный разговор о важных вещах, умеет быть неожиданной. Недавно она вновь удивила воронежцев, сыграв увлеченно и заразительно главную роль в комедии А. Цагарели «Ханума». Что мы увидим в следующий раз? Как и в чем воплотится художническая тема Мануковской? Можно быть уверенным, что ответ на эти вопросы последует.

Валерий ПОПОВ.

На снимке: Римма МАНУКОВСКАЯ — Эмили Мартин в спектакле «Средство Макропулоса».

Фото А. Варламовой.